

О необходимости диалектического снятия классической исторической формы марксизма *

В.А. Вазюлин **

Сегодня я хочу высказать некоторые, может быть даже критические, соображения по поводу взглядов К. Маркса и В.И. Ленина. И К. Маркса и В.И. Ленина я считаю, конечно, первоклассными гениями. Я считаю, что они сделали необыкновенный в истории человечества прорыв в теории. Совершенно необыкновенный. Маркс открыл новую теоретическую эпоху, можно сказать эру, которая отнюдь не закончилась в 19-м веке, она продолжалась и в 20-м, и будет продолжаться в 21-м, и в 22-м, и в 23-м веках... Многие идеи Маркса останутся живыми столетия.

Но, тем не менее, в какое-то время появилась историческая необходимость определённого «снятия» классической формы марксизма. Как известно, Фридрих Энгельс писал, что даже с каждым великим открытием в естествознании, марксизм принимает или должен принимать новую историческую форму. После же смерти К. Маркса, даже после смерти В.И. Ленина произошли в мире колоссальные изменения, и, прежде всего, появился новый общественно-экономический строй, социалистический строй, появилась первая фаза коммунизма. Другое дело, что это – ранний социализм. Надеемся, что будет ещё и поздний социализм, ранним социализмом история не завершила свою работу.

Маркс творил в условиях, когда нового общества не было, мы же прошли путь, когда оно возникло, расцвело и погребло в нескольких странах мира. В частности и, главным образом, поэтому мы находимся на новом историческом этапе, нам открываются новые возможности исследования и социализма, и коммунизма, и истории человечества в целом. К. Маркс вынужден был, осознавал он это или не осознавал, делать акцент на *отрицании капитализма*. После же появления и расцвета, а также гибели социализма в нескольких странах есть возможность перенести акцент с отрицательных аспектов на положительные, то есть на специальное рассмотрение нового общества. Проблема отрицания капитализма с такой точки зрения предстаёт глубже и несколько иначе. И предмет это позволяет делать. Но наверняка возникнут возражения по поводу того утверждения, что Маркс занимался главным образом проблемами *отрицания капитализма*.

Высказанное утверждение нередко воспринимается так, будто я говорю, что К. Маркс занимался только проблемами отрицания капитализма. Речь же, на самом деле, идёт о том, что он занимался этими проблемами главным образом, и что историческая ограниченность предмета исследования приводила к некоторым необходимым абсолютизациям. К. Маркс, естественно, исследо-

вал не только капитализм, он осуществил предвидение будущего общества, исследовал также в той или иной мере и докапиталистическое состояние общества. И я постараюсь это в какой-то степени показать. Однако полностью это сделать невозможно, это – отдельная, очень большая тема. Марксизм – теоретическое, очень сложное образование, более сложное, чем какое-либо другое теоретическое образование. И все же я постараюсь показать, что есть во взглядах К. Маркса исторические ограниченности, я подчёркиваю, – исторические, то есть определённые ограниченности эпохи, а не индивидуальные ограниченности. Всякая теория ограничена своей эпохой, но подробнее об этом немного позже. Сейчас же я хочу сказать о том, когда появилась необходимость диалектического снятия марксизма. В эпоху К. Маркса и в эпоху В.И. Ленина такой необходимости, в общем и целом, не было. И марксисты, когда обращались к трудам К. Маркса главным образом, стремились к пониманию К. Маркса. Даже в известном афоризме В.И. Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитал» К. Маркса, не исследовав, не изучив всей Логике Гегеля, речь идёт о понимании «Капитала». Именно В.И. Ленин в том же афоризме писал, что никто из марксистов, спустя полвека после выхода в свет «Капитала», не понял его.

Между тем речь идет о главном произведении марксизма, его фундаменте. Согласно В.И. Ленину, марксисты не поняли «Капитал» потому, что не поняли его диалектического метода, его Логике. В.И. Ленин написал этот афоризм спустя несколько десятилетий после издания I тома «Капитала», но положение существенно не изменилось и после написания этого афоризма В.И. Лениным. Положение с пониманием метода «Капитала» оставалось прежним. После смерти В.И. Ленина и до Великой Отечественной войны в Советском Союзе все, кто так или иначе занимался методом Логике «Капитала», в лучшем случае излагали *прямые* высказывания К. Маркса о методе, Логике «Капитала» и, в первую очередь, раздел о методе политической экономии из «Введения к экономическим рукописям 1857-1858 гг.». А надо сказать, что понимание метода, Логике «Капитала» впрямую подводило к диалектическому «снятию» марксизма, к творческому освоению самых глубоких основ марксистской теории.

После Великой Отечественной войны в СССР, именно в СССР начался период освоения метода, Логике «Капитала», тем самым образовались теоретические предпосылки для перехода к диалектическому «снятию» классической формы марксизма. Первым в послевоенное время стал изучать метод, Логике «Капитала» М.М. Розенталь. Он первым наиболее полно собрал и отчасти классифицировал высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о методе, Логике «Капитала». Большинство марксистов как после войны, так и до неё в основном старались понять, изложить, рассказать идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Подход к К. Марксу марксистов в других странах отличался не существенно. После войны М.М. Ро-

* Доклад и ответы на вопросы на III ежегодной теоретической конференции Международной логико-исторической школы. МГУ им. М.В. Ломоносова – Современная гуманитарная академия. 2004 г.

** д.ф.н., профессор

зенталь собрал, по сути дела, все высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина о методе «Капитала», о методологии «Капитала», опубликовал их, и это было шагом вперёд.

Первым и единственным (за исключением, пожалуй, в какой-то мере Л.А. Маньковского) человеком, который начал подходить к *теоретическому* осмыслению «Капитала», был Э.В. Ильенков. Но, к сожалению, Э.В. Ильенков остановился, в основном, на Введении К. Маркса к «Экономическим рукописям 1857-1858 г.г.» и примерах из «Капитала». Но и у него, в его работе, по сути дела, осуществлялась в качестве главной задача – *понять метод К. Маркса. Понять то, что явно есть. А между тем, у самого К. Маркса, когда мы приступаем к рассмотрению этого Введения и, в том числе, его раздела о методе политической экономии, имеются противоречивые суждения о методе политической экономии, но не вполне явные.*

Ещё тогда, когда Ильенков был аспирантом и начал вести спецкурс, и мы, пятикурсники (в числе их были В.А. Лекторский, Г.С. Батищев, нас было меньше семи человек), пришли на спецкурс, у меня возник вопрос по поводу высказывания К. Маркса о том, что единственно правильным в научном отношении методом является метод движения от простейших отношений к сложным, то есть метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Сомнение возникло, но в каком смысле? Оно возникло в связи с тем, что говорил Э.В. Ильенков по этому поводу.

Обаяние К. Маркса было настолько велико, что несогласие с К. Марксом я перенёс на Э.В. Ильенкова. Интерпретацию Э.В. Ильенковым К. Маркса, которая вполне соответствовала смыслу высказывания классика, я приписал Э.В. Ильенкову. Когда я выразил своё несогласие с его интерпретацией этого высказывания К. Маркса, он ответил, что, после того как диалектика осознана, необходимость специального этапа движения от сложного к простому, вплоть до простейшего не является необходимостью, не является таким периодом в развитии, который предшествует восхождению.

Но позднее я заметил, что у Маркса есть определённые ограничения, я бы назвал их *историческими ограничениями* в понимании и метода восхождения от абстрактного к конкретному, и движения от поверхности к сущности.

Мы имеем в сознании не просто хаотическое нагромождение каких-то представлений, восприятий, но с самого начала его организуем в той или иной степени, в соответствии с некоторой определённой потребностью в познании исследуемого объекта. По мере продвижения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному мы строим сначала догадку, затем гипотезу. А это всё есть движение, в своеобразной форме, противоположное движению от хаотического представления о целом к абстрактному, от сложного к простейшему.

По существу недооценка роли и значения этого движения проявились и в его высказывании относительно лишь формального отличия метода изложения от метода исследования.

Между тем движение познания с самого начала идёт в противоположных направлениях. Это два противоположно направленных движения. И совершаются они в единстве. Когда этот путь завершён, и познание пришло к выделению простейшего отношения, начинает преобладать движение от простейшего ко всё более сложному. От абстрактного к конкретному. Но здесь, опять-таки, сохраняется *противоположное движение познания*. Если на первом пути (от хаотического представления о целом

к абстрактному) доминировал анализ, а синтез играл подчинённую роль, то на втором пути (движение от абстрактного к конкретному) синтез играет доминирующую роль, *но и анализ не исчезает совсем*, а осуществляется в единстве с синтезом. Имеют место, опять-таки, противоположные движения познания, осуществляющиеся во внутреннем единстве друг с другом. Таким образом, если недооценивать (или совсем устранять, не придавать этому научного значения) движение от хаотического представления к абстрактному, это значит устранить одно из противоположно направленных движений. Это значит также недооценить или не понять совсем («непонимание совсем», конечно, не касается К. Маркса) диалектики этого процесса.

Что касается Г. Гегеля, то он, по сути дела, не понял действительного значения и роли движения от сложного к простому, от хаотического представления о целом к абстрактному. Это движение познания совершается не просто в единстве противоположностей, но и спиралевидно. В результате познание как бы приходит к исходному пункту, но на существенно ином уровне. И, если изобразить движение познания схематически, оно будет отображено в форме двойной спирали.

К. Маркс во «Введении» рассматривает предмет политэкономии. А политэкономия до К. Маркса двигалась преимущественно от хаотического представления о целом к абстрактному, к выделению простейшего отношения капитализма. После того, как она подошла к выделению простейшего отношения (прежде всего в лице А. Смита), начались попытки осуществления познания в обратном направлении – от абстрактного к конкретному (Д. Рикардо). По сути дела, речь шла о подходах к рассмотрению капитализма как единого целого, то есть о первых шагах такого рассмотрения. Но продвинуться достаточно далеко и, тем более, представить зрелую теорию капитализма как единого целого буржуазная политэкономия не могла.

В области философии аналогичную попытку предпринял Г. Гегель. Он попытался представить мир идей современной ему эпохи как «единство многообразного», как мысленно конкретное. Но поскольку возможности отрицания капитализма как целого в его эпоху ещё не проявились, то Г. Гегель, изображая современный ему мир идей в целом, представил этот мир как процесс развития, происходящий на неизменной основе. В таком случае развитие не может быть представлено как реальное. Оно может происходить только в мире идей. Другими словами, развитие мира идей Г. Гегелю представлялось как раз и навсегда данное, как изначально существующее, то есть идеалистически, а не как порождённое реальным историческим процессом бытия.

Отрицание существующего ему совершенно необходимо представлялось как отрицание отрицания в сфере только мышления.

Таким образом, сама историческая эпоха вынуждала мыслителя к этой ограниченности, к этой противоречивости. С одной стороны, он мог, в общем и целом, постичь действительность только как существующую, неизменную, а потому и тем самым как идеалистически понятую. А с другой стороны, он пытался постичь её в целом, как единство многообразного, то есть диалектически. Противоречие Г. Гегеля не было произволом великого мыслителя, оно обуславливалось ограниченностью современно-го ему общества – капитализма.

Следующий коренной шаг в развитии диалектического метода и в постижении капиталистической действительности был возможен только в другую эпоху. В ту эпоху, когда на арену политической борьбы стремился вступить

как самостоятельная историческая и политическая сила – рабочий класс. Это означало, что стали проявляться возможности отрицания капитализма как целого. К. Маркс чутко уловил значение этой исторической тенденции и встал на позиции рабочего класса, то есть на позиции отрицания капитализма как целого. Это давало принципиально новые возможности в осмыслении диалектики капиталистической действительности.

Теперь вопрос об отрицании можно было ставить не только в плане чисто логического отрицания существующего мира идей и возвращения к нему как бы в «снятом» виде, но и как реального процесса отрицания.

К. Маркс в рукописи «К критике гегелевской философии права» сформулировал это афористично: Гегеля интересует дело *ЛОГИКИ*, а между тем нужно исследовать логику *ДЕЛА*. Поскольку сам К. Маркс стоит на позиции, главным образом, отрицания, то уже здесь проявляются некоторые *исключающие противопоставления* того и другого.

Уже в 1843 году в этой рукописи в некоторой степени проявляется исключительное противопоставление своей логики логике Г. Гегеля. Здесь К. Маркс существенно продвинулся по сравнению с Г. Гегелем в понимании Логики, но на его понимание некоторую ограниченность накладывает новая эпоха.

Подобная историческая ограниченность обнаруживается и в понимании К. Марксом соотношения движения познания от хаотического представления о целом к абстрактному, и от абстрактного к конкретному.

Живя в существенно более прогрессивную эпоху, чем Г. Гегель, К. Маркс сумел осмыслить её характер, возможности и создал целую конкретную науку, реально отображающую предмет способом восхождения от абстрактного к конкретному. Тем самым он представил этот способ не как движение чистой мысли, а как движение мысли, отображающее каждым своим шагом реальную действительность, реальную капиталистическую действительность. Таким образом, он понял способ восхождения от абстрактного к конкретному более последовательно, чем Г. Гегель и более диалектично. Ибо К. Маркс придал существенное значение не только способу восхождения от абстрактного к конкретному, но и противоположному способу – движению мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

У К. Маркса, в отличие от Г. Гегеля, мысль не рождается исключительно из мысли, не идёт самопорождение мысли мыслью, но как у действительно познающего человека всё время витает в живом созерцании реальный предмет. И, следовательно, движение от абстрактного к конкретному является не только этим движением, но и движением от живого созерцания к мысли. В то время как у Г. Гегеля движение от живого созерцания к абстрактному носило формальный характер. Он не придавал этому существенного значения. Здесь проявляется отрыв от реального предмета, от реальной действительности. Здесь проявляется идеализм Г. Гегеля и его метафизичность.

К. Маркс творил в эпоху, когда общества более совершенного, чем капитализм, коммунистического общества ещё не было. Поэтому о коммунизме можно было говорить на основании отрицания капитализма. А капиталистическое общество налагало отпечаток на уровень и характер взглядов К. Маркса на коммунизм. И на капитализм тоже. Если же общество познаётся на основании его отрицания, то это познание не является таким, когда могут быть поняты самые глубокие его основы.

Чтобы это в какой-то степени пояснить, обратимся к соотношению религии и атеизма. Атеизм по своему пря-

мому смыслу – отрицание религии. Но атеизм существует до тех пор, пока существует религия. Если нет религии, исчезает и атеизм. Атеизм существует тогда, когда условия отмирания религии возникли, но завершения их формирования не произошло. Эти условия ещё сохраняются в таком виде, когда религия не исчерпала полностью своих социальных функций. То есть наличие атеизма предполагает ещё сохраняющиеся условия существования религии. Отрицание религии необходимо предполагает существование своей противоположности. Вместе с тем, их отношения – это отношения *исключающего* противопоставления друг другу. Это противоречие ещё не зрелого отношения противоречивых сторон друг другу. С созреванием этого отношения исчезает и то и другое. Когда религия полностью преобразуется (исчезнут условия существования религии и, следовательно, сама религия), перестанет быть необходимым её отрицание.

Подобно этому, если в теории, вследствие уровня и характера эпохи, акцент приходится делать на отрицании этой эпохи, то здесь тоже возникает такое же *исключающее* противопоставление взглядов с позиций отрицания капитализма и взглядов с позиций утверждения капиталистического общества. Но *исключающего* противопоставления противоположных сторон друг другу (при том, что они не могут существовать друг без друга) капитализм не может не порождать. Как он не может не порождать и отрицательного к себе отношения. А отрицательное отношение к капитализму имеет существенное значение только в том случае, когда существует капитализм.

Исключающее отношение противоположных сторон друг к другу неизбежно. И это есть разрыв между ними. Можно сказать, непримиримая противоположность между ними. То есть, *исключающая* противоположность. Это, вместе с тем, нарушение связи.

Сложность понимания этого вопроса заключается в том, что они (противоположные стороны) необходимо предполагают друг друга. И, вместе с тем, между ними существует разрыв. Нарушение единства.

Такое отношение имеет место и в реальной действительности между людьми, стоящими на позициях капитализма, и людьми, отвергающими капитализм. И в теоретическом отображении эти отношения у любого, даже у гениального человека и даже сознательно применяющего диалектический метод, порождают моменты, противоположные диалектике. И моменты эти имеют существенное значение.

У К. Маркса есть уже упомянутое утверждение о том, что единственно правильным в научном отношении является способ восхождения от абстрактного к конкретному. Отсюда следует, что движение от хаотического представления о целом и от чувственно-конкретного к абстрактному научного значения не имеет. Но тогда можно подумать, что вся классическая буржуазная политическая экономия не имеет научного значения. В данном случае проявляется, главным образом, негативное отношение к буржуазной политической экономии. Здесь проявляется историческая ограниченность понимания К. Марксом классической буржуазной политической экономии. В то время как несколько ранее К. Маркс, по сути дела, в познании следует от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному и в области предшествующей ему политической экономии, и в области метода. Это означает, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному является правильным в научном отношении.

Таким образом, имеют место два противоположных друг другу понимания К. Маркса. В первом содержатся

утверждения, что движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному неправильно в научном отношении, а значит, неправильно движение предшествующей ему классической политэкономической мысли. А во втором неявно, но по существу признаётся правильность этого научного движения.

Данное противоречие К. Марксом не осознаётся. И это обуславливается исторической ограниченностью эпохи.

Утверждение, что способ восхождения от абстрактного к конкретному – единственно правильный в научном отношении, является, тем самым, отрицанием статуса научности движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному.

Такой подход представляет собой ещё не до конца преодоленный взгляд Г. Гегеля на проблему движения мысли от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному. Г. Гегель не придавал реального, существенного значения способу движения от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному, когда такое движение находится на стадии преобладания по отношению к движению от абстрактного к конкретному. В мистической форме это изображено в «Феноменологии духа». В соответствии с гегелевским взглядом на соотношение этих движений движение от абстрактного к конкретному необходимо представляется как некое изначально априорное движение. И оно становится действительно таковым, если движение от хаотического представления о целом, от чувственно-конкретного к абстрактному рассматривается как неправильное в научном отношении.

К. Маркс по поводу способов исследования и изложения писал, что изложение результатов может показаться априорным. Действительно, с моей точки зрения оно потому и кажется априорным, что изображение предмета начинается сразу с восхождения. При этом происходит отвлечение от собственно самой диалектики этого процесса, от единства этих противоположных движений.

Моё осмысление априорности некоторых положений марксизма (в прежде существующей исторической форме марксизма) начиналось не с трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, а со знакомства с работами советских марксистов.

На третьем курсе философского факультета я пришёл к кризису из-за априорности (но не той априорности, о которой речь шла выше в связи с рассмотрением взглядов К. Маркса), пустой, бессодержательной, поверхностной априорности содержания учебников и другой советской философской марксистской послевоенной литературы, в том числе и очень популярного учебника, так называемой «Серой лошади».

Философия в этом учебнике представляла как игрушка, как искусство для искусства. Но не как средство преобразования общества. Авторы этого учебника наполняли головы сведениями разного рода, а зачем наполняли – непонятно. К этой же категории авторов можно отнести и Т.И. Ойзермана. Когда он нам читал спецкурс по классической немецкой философии, то это был пересказ, поверхностный пересказ работ классиков немецкой классической философии. У меня возник кризис, и я начал читать (это было уже на четвёртом курсе) диссертации, которые тогда на философском факультете каждому студенту по читательскому билету были легко доступны. Как раз в то время диссертацию написал Э.В. Ильенков. Диссертация лежала в библиотеке факультета. Очень интересная диссертация была подготовлена А.Л. Субботиним. Определённый ажиотаж вызвала диссертация А.А. Зиновьева. На меня эта работа произвела впечатление пустой. А вот что касается Э.В. Ильенкова, то он будил

мысль, это была единственная работа, в которой ощущалась живая мысль, в которой ощущалось, что человек думает над реальными проблемами. Вот после этого я занялся «Капиталом», детально изучал и диплом посвятил простейшим отношениям в первом отделе I тома, а главным образом – в первой главе «Капитала».

Почему я об этом вспомнил? Э.В. Ильенков возбудил интерес к методу исследования политической экономии, к экономическим работам К. Маркса и Ф. Энгельса. И когда я стал внимательно знакомиться с этими работами, мне показалось, что Ф. Энгельс не вполне понял логический способ исследования К. Маркса, не вполне понял проблему исторического и логического. (Потом я высказывал это на Университетском Совете по изучению законов и категорий социализма под руководством Н.А. Цаголова). А именно, он полагал, что К. Маркс следует за историей развития форм стоимости. В то время как Маркс не следовал за историей развития форм стоимости. У Маркса была другая логическая задача, рассмотрение этих форм в логическом аспекте, т.е. в том аспекте, в том содержании этих форм, которое сохранилось в зрелом предмете. А не историю он специально изучал, и не из истории он выводил логику.

Сам Маркс в этом введении говорил, что логические категории отражают роль и значение сторон исследуемого предмета именно в данную историческую эпоху. В рецензии Ф. Энгельса на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» тоже есть такое высказывание, что Маркс историю буржуазного общества не мог подробно изучать, потому что эта работа была бы бесконечной, а вот можно было идти за литературой, появлявшейся в этом обществе. И историческое на самом деле, и логическое исследовать логическим способом, т.е. брать каждый момент в его зрелости, в высшем его развитии, в чистом виде. Это будет то же самое, что исторический способ, но только освобождённый от исторических случайностей, зигзагов, перерывов, от исторической формы. Так вот, мне думается, и я говорил об этом на совете Н.А. Цаголова, и сейчас у меня такое убеждение осталось, что это не вполне правильное, недостаточно глубокое понимание исторического метода. Если мы попробуем «опрокинуть» логический способ, вот те же самые категории «поверхности», «сущности», «явления» и «действительности» на прошлое, то окажется, что это прошлое имеет такую специфику, которая является существенной сама по себе и для понимания логического способа исследования. То есть необходимо идти от логического способа исследования, которым исследовал Маркс, и в этом сказались его громадная интуиция, громадное, огромное, очень глубокое понимание задач, которые следовало решать (а задачи решаются обычно последовательно) от изучения логики предмета, логического подхода, логического способа, к историческому способу, не сводимому просто к описанию истории, не сводимому просто к описанию случайностей, перерывов и зигзагов (это всё надо делать), а к тому, чтобы понять, какие стадии это проходило, когда вы накладываете логическое рассмотрение на историческое, не придавая существенного значения историческому рассмотрению, в отличие от логического, не понимая, что историческое рассмотрение должно быть углублением логического рассмотрения, а не просто иллюстрацией логического рассмотрения, не просто набором примеров. Тогда просто уходит из внимания изучение предмета как единого исторического процесса, в котором развитие происходит в ходе смены существенных исторических форм. И только при таком подходе к историческому рассмотрению процесс развития предмета ока-

зывается имеющим *различные стадии*, являющиеся, вместе с тем *различными стадиями единого процесса*.

В противном случае специфика этих стадий, специфические закономерности этих стадий могут уйти. И тогда может получиться так, что, с одной стороны, мы говорим о формациях, о том, что есть исторический процесс развития, а с другой стороны, в силу такого понимания метода, мы не воспринимаем историю как закономерный процесс перехода от одной формации с её специфическими закономерностями к другой, с другими специфическими закономерностями. И притом, как единый целостный закономерный процесс. Это единый исторический процесс развития, имеющий различные стадии, закономерная специфика которых не рассматривается при использовании собственно логического способа. Для меня стало в какой-то мере ясно, что с одной стороны, есть единство логического и исторического процесса, а с другой стороны – есть существенное различие. И поэтому после логического изучения предмета, например такого, как капитализм, необходимо переходить специально к исследованию исторического процесса, не сводимому просто к изучению случайностей или к исторической форме, понимаемой как нечто несущественное (в том числе и для логического понимания предмета), а к изучению закономерного развития предмета, в смене его исторической формы и изучению закономерностей, закономерных исторических форм.

Скажем, если, идя от логического способа к историческому, исследователь «опрокидывает» категорию логического способа «поверхность» на категорию исторического способа «начало» и полагает, что категория «начала» тождественна категории «поверхность», то для него исчезает *существенное* их различие, существенное отличие исторического способа исследования от логического применительно к этим категориям. Точно так же нельзя отождествлять рассмотрение превращения товара и денег в капитал с рассмотрением исторических закономерностей первоначального возникновения капитализма.

В связи с этим появилась также возможность понять, что у К. Маркса учение о формациях, с одной стороны, это колоссальный прорыв в теоретическом плане, а, с другой стороны, формации в некоторой степени рассматриваются с точки зрения капитализма, отрицания капитализма. Однако формации не могут рассматриваться только, или даже главным образом, с точки зрения отрицания капитализма уже потому, что это процесс, выходящий за рамки отрицания капитализма. Потому что, говоря языком Маркса, есть подлинно человеческая история и её предыстория. (Эту подлинно человеческую историю правильнее охарактеризовать как зрелую человеческую историю в отличие от её незрелости). Она вполне может быть понята только в том случае, если мы не ограничимся её рассмотрением с точки зрения отрицания капитализма, а рассмотрим всю историю человечества, подходя к коммунизму как к продукту *всей* человеческой истории. Иначе мы не поймём коммунизма в достаточной степени. А этот процесс развития не улавливается в том случае, если мы останавливаемся на таком понимании логического и исторического.

При таком подходе, скажем, это проявляется не только в том, что понимание капитализма как бы накладывается на историю предшествующих формаций. В этом случае, когда предшествующие формации и капитализм предстают как рядоположные, не улавливается в полной мере закономерное развитие капитализма из предшествующих ему формаций. И вся предшествующая история не представляется в достаточной степени как

единый закономерный процесс развития. Это проявилось у К. Маркса во введении к «Экономическим рукописям 1857-58 годов», когда он исследует общие взаимоотношения производства, потребления, обмена и распределения, где выделяет, по его мнению, *одинаковые* для различных эпох важные моменты.

Между тем если мы посмотрим с точки зрения диалектического «снятия» капитализма на всю историю человечества, то в этом случае *даже самые общие истматовские категории*, такие как «производительные силы», «производственные отношения» и другие, обнаружат свою *изменчивость*. А у нас они воспринимались как неизменные. Как будто эти общие категории можно наложить на все исторические эпохи без существенных изменений. И истоки этого мы находим ещё у К. Маркса.

На самом деле ничего похожего. Развиваются даже самые общие понятия. И это можно понять только в том случае, если мы существенно иначе подходим к соотношению исторического и логического.

Та же самая позиция проявляется и в отношении классов. То, что классы существуют сейчас и будут существовать как минимум до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, это положение не может быть подвергнуто сомнению. И *непримиримость* классовых противоречий будет сохраняться до тех пор, пока не исчезнут классы. Но понимание классовых взаимоотношений в классическом марксизме остановилось в общем и целом на уровне понимания противоположности. А что значит противоположность? Конечно, между противоположностями есть единство. Но если останавливаться на противоположности, и в основном, на отрицании противоположностями друг друга, то единство уходит куда-то в сторону, а противоположности оказываются *внешними* по отношению друг к другу.

Между тем, следующий этап, который должен бы быть сделан, но он в силу исторической ограниченности той эпохи не был сделан, – это понимание отношения классов как *противоречия*. А противоречие – это более глубокое понимание, чем понимание просто единства противоположностей. В противоречии эти противоположные стороны не просто отрицают, не просто *исключают* друг друга, *они отрицают друг друга в своём взаимопорождении*. Отношения классов как противоречия нельзя было вполне понять в ту историческую эпоху.

Это сказалось в решении многих практических вопросов. Речь идёт не просто о каких-то умозрительных представлениях, которые не имеют никакого отношения к теории и практике коммунистических партий.

На первом этапе возникновения марксизма закономерно на первый план выступила, как совершенно верно отмечал В.И. Ленин, его философская сторона. Так, при принципиальных изменениях марксизма, при возникновении его новой исторической формы тоже необходимо преимущественное (*но не исключительное*) обращение к разработке философских проблем, и прежде всего – метода.

С моей точки зрения, подход с позиции закономерного процесса развития истории даёт возможность понять многое, что раньше не привлекало внимания или не понималось.

Вот, кстати, в «Философских тетрадах» уже цитировавшийся афоризм В.И. Ленина о том, что нельзя вполне понять «Капитала», не исследовав, не изучив *всей* логики Г. Гегеля, относится в определённой степени и к самому В.И. Ленину. И это можно показать на тексте фрагмента «К вопросу о диалектике», где он в своём роде подводит некоторые итоги. Там есть смешение категории «противопо-

ложность» и категории «противоречие». На уровне категории «противоречие» там не осознаётся диалектика, диалектический метод. И в этом сказались то, что он только приступил к работе по систематическому изучению всей логики Г. Гегеля в сравнении с «Капиталом» К. Маркса.

Это сказались и на его работе «Империализм как высшая стадия капитализма». Хотя это и гениальная работа, но не непосредственное, систематическое развитие науки о капитале. Доказательство такого положения не может быть приведено в рамках данного доклада.

Если подходить с точки зрения диалектического «снятия» марксизма, то следует иметь в виду, что сам метод необходимо должен развиваться, он должен быть преобразован по сравнению с тем, каким он был в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина. Это не просто прихоть. Без решения этих вопросов нельзя наметить, нельзя предвидеть будущее развитие человечества в той мере, в какой это сейчас необходимо. Нельзя наметить подлинные, отвечающие современной действительности, стратегические цели коммунистических партий. Это относится и к РКРП, которой я в наибольшей степени симпатизирую. Понимание коммунистами современной действительности находится на уровне, не учитывающем существенные, произошедшие после эпохи К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина изменения.

На состояние коммунистических партий, коммунистического движения влияет то важное обстоятельство, что в настоящее время мы переживаем период относительно мирного развития капитализма. (Мирного в том смысле, что его существованию в целом не угрожают социалистические революции в ближайшее время). И, вместе с тем, сейчас идёт своеобразная, невиданная в истории, то вспыхивающая, то несколько затухающая третья мировая «горячая» война. И, тем не менее, капитализм продолжает переживать относительно стабильный период своего развития, в том смысле, что эта война тоже не угрожает, ближайшим образом, его существованию.

И в этот период удержаться на коммунистических революционных позициях чрезвычайно тяжело. Не случайно имеет место упадок коммунистического движения. Но возрождение коммунистического движения невозможно без прорыва в области теории, в области мировоззрения. Ведь сначала, для того чтобы успешно действовали коммунистические партии, необходимо развитие мировоззрения и метода, соответствующих современной эпохе. На основе теоретических представлений намечаются стратегические цели и задачи. Уже на основе всего этого образуется организация, соответствующая намеченным целям. А организация-то должна меняться в соответствии с изменяющимися условиями. На основе этого определяется и тактика. Без таких необходимых условий коммунистическое движение не может быть успешным. Хотя, конечно, главная причина возрождения коммунистического движения будет заключаться в том, что через какое-то время всё-таки наступит пора новых революций в мировом масштабе. Сейчас я не хочу об этом подробно говорить, кое-что тут можно уже предвидеть, но это тема для специального разговора.

Итак, я остановился сейчас не на всех вопросах, потому что, скажем, в прошлом году уже речь шла о снятии исторического материализма. Вообще надо говорить о снятии всей современной философии. Дело заключается не в том, чтобы, сняв материализм, остаться на позициях идеализма. И не в том, чтобы примирить материализм и идеализм. Не об этом речь идёт. А о том, что сейчас постепенно созревают такие условия, когда вопрос об идеализме и материализме перестанет быть актуальным.

Ведь в связи с чем возникает этот вопрос? Он возникает в связи с возникновением и дальнейшим развитием противоположности физического и умственного труда. Существование такой противоположности является основой возникновения и существования противоположности материализма и идеализма.

Противоположность и классовое расчленение общества, они же не вечны. Не вечна противоположность физического и умственного труда. Вы посмотрите «Немецкую идеологию». В ней отношение идей и действительности и развитие этого отношения до степени противоположности имеет своей основой разделение физического и умственного труда, и развитие его до противоположности. Если исчезнет противоположность физического и умственного труда или даже их существенное различие, то изменится существенным образом и то, что порождается этой основой. И сейчас это уже можно предвидеть. Появляется возможность для создания новой, более продвинутой, если можно так выразиться, формы взглядов на природу, общество и их взаимодействие. Хотя, до тех пор, пока существуют классы, до тех пор, пока существует противоположность физического и умственного труда, об исчезновении материалистического понимания истории не может быть и речи.

Я хочу ещё раз напомнить, что, когда у нас боролись с религией, то боролись с *атеистических* позиций. Но ведь, если присмотреться (и Маркс это, собственно говоря, уже понимал, не в общем плане, но применительно к самому термину), – атеизм это отрицание религии, не более того. Но это отрицание только тогда имеет смысл, когда есть религия, когда есть теизм. Если нет религии, не нужен атеизм. Ибо нечего тогда отрицать. Значит, эта борьба, атеистическая пропаганда исходили в нашей стране из наличия теизма, и это вполне закономерно и естественно при определённых условиях.

С одной стороны, атеизм предполагает наличие того, что отрицается (а именно – религии), а с другой стороны, предполагает отношение, совершенно исключающее ее. Поэтому отношение к религии с такой точки зрения может быть как только ее исключение, как только ее отбрасывание, как только исключительное ее устранение. А это не диалектическое отрицание религии. Хотя, конечно, религия является социальной иллюзией, но иллюзией, не случайно возникающей и не случайно существующей столь длительное время.

Хочу подчеркнуть еще и еще раз. В недиалектическом отрицании атеизмом религии проявляется чисто односторонняя непримиримость отношения к религии. Атеисты начисто отрицают религию. Но между тем, религию необходимо диалектически «снять». Например, религия накопила ряд приемов воздействия на психику человека. Освоила некоторые приёмы психотехники. И если вот так с порога отбрасывать всё, мы не увидим этого накопленного опыта. Сказанное мной не означает, что я стою на позициях сохранения религии. Она должна преодолеваться, но более умно. Только и всего. А этот более умный подход и является диалектическим снятием.

Вот более простой пример. Более простой и менее вызывающий, наверное. Свадебные ритуалы. Те, которые идут ещё из докапиталистического прошлого. Что, их надо было отвергать? Прежде, чем их отвергать, их надо было изучить и понять, каким потребностям людей они соответствовали. Преодолены ли условия, порождающие эти потребности? Если они не преодолены полностью, значит надо было, изучив, создавать свои собственные традиции, учитывающие данный уровень развития людей.

Из сказанного, на мой взгляд, вытекает иное, более

историчное, понимание основных законов диалектики. На мой взгляд, оказывается, что понимание даже основных законов диалектики зависит от исторических условий. От уровня, от характера, от стадии развития общества. В том числе даже основные законы диалектики могут интерпретироваться и, более того, в какой-то степени, видоизменяться, но, конечно, не в том смысле, что отрицается полностью, к примеру, переход количественных изменений в коренные качественные. Нет, конечно, не об этом идёт речь. Просто речь идёт о более глубоком понимании основных законов диалектики. Они тоже могут быть подвержены, как мне представляется, (я мог бы об этом говорить, я об этом кое-что написал), они тоже могут быть «сняты».

В заключение я хочу подчеркнуть следующее. К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, в особенности К. Маркс, осуществили громаднейший прорыв в теории. Поэтому просто так, с кондачка, к тому, что они сделали, подходить нельзя. К. Маркс открыл новую историческую эпоху теории, открыл, но не закрыл. Он начал её. Причём открыл совершенно гениально. И то, что он был назван по Интернету мыслителем тысячелетия, это, по-моему, совершенно заслуженно. Ф. Энгельс отмечал, что до К. Маркса писали пухлые и бессвязные книги, но только К. Маркс, первый, если не учитывать Г. Гегеля, который всё это сделал на мистической идеалистической основе, К. Маркс первый создал такую работу, которая является связным целым. Что значит создать работу, которая является единым связным целым? Это и значит диалектически рассмотреть предмет. Рассмотреть предмет во взаимосвязи, взаимодействии, развитии и т.д. Это первым в истории человечества сделал К. Маркс в «Капитале». И до сих пор «Капитал» остаётся единственным произведением, в котором целая наука – политэкономика капитализма – представлена с позиций сознательного применения диалектического метода, Логике с большой буквы.

На этом я хочу закончить.

Ответы на вопросы

Е.Н. Харламенко

Вопрос. Вы сказали, что Гегель только в «Феноменологии духа» прошёл путь от поверхности к сущности. А в «Логике»?

Ответ. В «Логике» логическим способом – да.

Вопрос. Это была не оговорка? Вы сказали, что движение от поверхности к сущности и от сущности к поверхности является взаимоисключающим движением. Но оно ведь и взаимосвязанное тоже?

Ответ. Я об этом и говорил. О том, что это единство противоположных движений. В этом движении на одном этапе играет определяющую роль одно движение, а на другом – противоположное, но единство их сохраняется на всех этапах, если познание совершается сознательно, в соответствии с познанными его закономерностями.

Вопрос. Вы говорите, что Энгельс не вполне понял вот этот метод исследования Маркса. Вопрос: понимал ли его сам Маркс?

Ответ. Не вполне. Но, прежде чем ответить собственно на этот вопрос, я хочу сказать, что, по мере того как К. Маркс работал над «Капиталом», обнаруживалась потребность перейти к иному, более широкому предмету исследования, к исследованию всей человеческой истории.

Поэтому следует говорить о понимании К. Марксом исторического применительно не к одному только, а к двум предметам, говоря о «Капитале».

Что касается собственно капитала, то его К. Маркс исследовал действительно так, как писал Ф. Энгельс, в основном следуя за литературой, так или иначе отража-

ющей экономику капитализма.

На мой взгляд, сознательно и достаточно определенно он не поставил вопрос о том, что следующим шагом должно быть специальное историческое исследование капитализма, которое может и должно дать не только собственно знание истории капитализма, но и углубить понимание капитализма, достигнутое логическим способом. Более того, необходим еще следующий этап. Специальное рассмотрение единства результатов исторического и логического способов исследования. Это во-первых. А во-вторых, по мере того, как К. Маркс переходил к исследованию действительности капитала, когда он стал переходить к рассмотрению государства и классов, встала проблема, которая, к сожалению, не сформулирована им достаточно чётко, встала проблема исследования более широкого предмета, а именно общества в целом и всей его истории. То есть исследования и тех сфер жизни общества, которые покоятся на экономической основе. Эти сферы жизни общества формируются не только на капиталистической экономической почве. Они имеют свою, относительно самостоятельную историю, не сводимую только к их истории при капитализме. Таким образом, для того, чтобы вывести из капиталистической экономики другие сферы жизни общества, необходимо было перейти к исследованию докапиталистического развития и экономики, и других сфер жизни общества. То есть решение проблемы выведения с необходимостью требовало перехода к более широкому предмету исследования – к рассмотрению общества в целом и всей его истории. Можно назвать это переходом к логико-историческому исследованию. К. Маркс в конце жизни перешёл к хронологическим выпискам. А в этих выписках содержится в общем и целом традиционный описательный исторический подход. Между тем именно при решении этой проблемы как раз и требовалось несколько иное понимание исторического процесса. Иной способ исследования. Вот здесь он уже требовался в качестве необходимого.

Вопрос. То есть, если я правильно поняла, то соотношение исторического и логического, которое он продемонстрировал в «Капитале», для него самого тоже осталось неосознанным? Он это сделал, но сам не понял?

Ответ. Нет, он понимал, но, видите ли, понимал больше что? Что ЛОГИЧЕСКИЙ способ един с историческим. То есть то, в какой мере исторический процесс «снимается» в логике. Но не осознавал необходимости специального исследования историческим способом развития капитализма, как существенно углубляющим логическое понимание.

Димитриос Пателис

Вопрос. Вы говорили об исторической ограниченности, которая отражается в «Философских тетрадах» Ленина и в его работе об империализме. Вопрос: в каком смысле ограниченность В.И. Ленина отразилась в работе об империализме?

Ответ. В полной мере ответить на этот вопрос сейчас невозможно, но все же я постараюсь сказать о некоторых существенных моментах. Я говорил в докладе о том, что в эпоху К. Маркса и Ф. Энгельса требовался акцент на отрицании капитализма. В ту же эпоху, когда В.И. Ленин писал работу об империализме, – эпоху империалистических войн и социалистических революций, – вопрос об отрицании капитализма обострился до крайней степени. Поэтому, естественно, те исторические ограниченности во взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые связаны с акцентом на отрицании капитализма, с необходимостью присутствуют и в работах В.И. Ленина. И они должны

присутствовать в еще более выраженной форме. Обострение классовой борьбы, доходящее до крайних форм, естественно, должно было вызвать непримиримость, более того, исключительную противоположность взглядов защитников капитализма, соглашателей, с одной стороны, и противников капитализма – с другой.

Я уже говорил ранее в этом выступлении, что у В.И. – Ленина во фрагменте «К вопросу о диалектике» есть понимание диалектики в значительной степени на уровне именно *исключающей* противоположности. То же самое наблюдается и в работе об империализме. И такое отношение к вопросу о взаимодействии противоположных сторон проявляется, в частности, там, где В.И. Ленин критикует ультраимпериализм К.Каутского. (Кстати, то же самое имеет место в статье В.И. Ленина «О лозунге Соединенных штатов Европы»). Если К. Каутский в своих взглядах на ультраимпериализм существеннейшим образом недооценивает внутриимпериалистические противоречия, то В.И. Ленин в *исключающую* противоположность ему недооценивает возможность объединения империалистических государств в некие сверхгосударства, недооценивает возможность создания Соединенных штатов Европы и переоценивает возможности грядущих социалистических революций, предполагая, что победоносная социалистическая революция произойдет раньше, чем это объединение, в той или иной степени совершится. В действительности, победоносная социалистическая революция произошла в России и в некоторых других странах, но они не устранили процесс интеграции империалистических государств в Европе в сверхгосударственное объединение.

Здесь как раз и проявились переоценка В.И. Лениным возможности социалистической революции и недооценка возможностей капитализма. К. Маркс тоже, когда работал над «Капиталом», стремился как можно быстрее его закончить, до «потопа» (К. Маркс). Он тоже преувеличивал возможности революции. Он тоже предполагал, что революция произойдет раньше, чем это в действительности произошло. А в этом, между прочим, выражается недооценка возможностей капитализма. Такая недооценка внутренне связана с акцентом во взглядах на отрицании капитализма.

Приведенный пример есть проявление и соответствующего понимания метода, диалектики, Логики. Но более подробно говорить об этом не позволяет время.

В.Г. Голобоков

Вопрос. Есть известное высказывание Ленина о том, что Гегель в своей «Логике» угадал диалектику реального мира. Именно угадал. Как Вы считаете, насколько истинно это высказывание по отношению к Гегелю, что он только лишь угадал? Что диалектическая логика Гегеля лишь плод угадывания диалектики мира?

Ответ: Ну, у Маркса есть и другое высказывание по поводу Гегеля, в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала», что Гегель, несмотря на мистификацию, т.е. идеализм, первым в истории описал всеобщие формы движения диалектики. Как можно описать основные формы диалектики, если только угадать...?!

Т.И. Яброва

Вопрос. Виктор Алексеевич, когда Вы говорите об ограниченности отрицания капитализма в работе Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и в связи с этим о необходимости развития теории, не следует ли из этого в частности, что Вы разделяете утверждение о наступлении качественно новой стадии развития капитализма – ультраимпериализма – широко распрос-

траненное в современной философской и экономической литературе.

И второе: Как Вы считаете, в чём развитие методологии Маркса в работе Ленина? Видите ли Вы там развитие самого метода?

Ответ. О «бытующих в философской среде разговорах» я отвечу вопросом на вопрос: А кто из философов основательно изучал современный капитализм?! Их позиция – позиция человека, покупающего шапку, не измерив предварительно головы.

К настоящему времени ещё нет, на мой взгляд, таких опубликованных марксистских работ, в которых бы империализм рассматривался с позиций диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма. Все те марксистские работы об империализме, которые опубликованы, написаны с точки зрения, главным образом, отрицания капитализма. В них не учитываются те изменения в методологии, которые должны быть внесены на основе осмысления раннего социализма, его возникновения, развития и гибели в некоторых странах. (Более того, сам ранний социализм ещё в достаточной степени не осмыслен, не поняты глубинные причины его гибели в ряде стран). Поэтому завершённые ответы на поставленные вопросы давать пока, по меньшей мере, сложно не вызывая реакции непонимания. Изучение работы В.И. Ленина об империализме, как и изучение других работ, могут выявить некоторые необходимые заблуждения, содержащиеся в них и связанные с той эпохой, когда они были написаны, и с учётом углубления в сущность предмета. Я подчёркиваю, что здесь речь идёт о необходимых заблуждениях, а они всегда выявляются, когда происходит процесс диалектического «снятия».

Когда я говорил о ленинской работе, я не подвергал сомнению те выводы, которые там сделаны. Я могу пояснить здесь аналогией. Предположим, Маркс, в период формирования философии марксизма. Одно дело, что он написал об экономике капитализма в «Нищете философии», хотя вроде всё писал правильно, и совсем другое дело – в «Капитале». Это разные уровни. Речь идёт о разных уровнях понимания предмета, а не о том, что в этом предмете неправильно выявлены признаки империализма или сделаны неправильные основные выводы.

Если мы начнём изучать империализм с точки зрения диалектического «снятия» исторической формы классического марксизма с соответствующим пониманием диалектического метода, с точки зрения, учитывающей исторический опыт победоносных революций и опыт строительства социализма, а также уроки, следующие из гибели социализма в некоторых социалистических странах, то мы, уже поэтому, должны подняться на более высокий уровень осмысления империализма. Мы должны выйти на иной уровень, в том числе и прежде всего, на *новый* методологический уровень. Опять-таки, не в том смысле, что у Ленина всё неправильно. А только в том смысле, что более глубокий уровень изменяет в той или иной степени прежнее наше представление. Такая работа ещё не проделана.

Я написал книгу «Становление метода научного исследования Карла Маркса. Логический аспект» и обнаружил следующее. К. Маркс, идя всё более глубоко, в период формирования шёл, по сути дела, от поверхностных слоёв человеческого общества вглубь, к сущности человеческого общества. Так вот, К. Маркс, с одной стороны, шёл к истине и истинно, а с другой стороны, он на каждом уровне допускал необходимые заблуждения. И иначе процесс не может осуществляться. Любой, самый разгневанный исследователь находится на определённом уровне. Этот уровень необходимо ограничен некоторыми

заблуждениями. А эпоха необходимо порождает определённые заблуждения, которые «снимаются» на более глубоком уровне познания. Как ребёнок не может понять каких-то своих заблуждений, пока не станет взрослым, так и К. Маркс не мог устранить заблуждения процесса познания в процессе формирования его философских взглядов, то есть движение от поверхности к сущности, пока не пришёл к завершению этого движения. Исследование не может совершаться, если не допускаются неосознанно, а затем осознанно не «снимаются» необходимые заблуждения. Без этого остановится познание.

То, что я сейчас говорю о К. Марксе, применимо и к работам В.И. Ленина. Но говорить подробно в таком плане о работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» сейчас вряд ли целесообразно в связи с возможной повышенной эмоциональной реакцией. Поэтому я хочу здесь только сказать, в какой-то мере, может быть, и повторить, что исследование всегда есть единство истины и заблуждения, но такие заблуждения обнаруживаются в том случае, если исследователь переходит к ещё более глубокому постижению сущности.

Если продолжить развитие «Капитала» К. Маркса и, кроме того, продолжить исследования империализма с позиции диалектического «снятия» классической исторической формы марксизма, то мы лишь постепенно придём через некоторые промежуточные звенья к такой теме, как империализм.

А В.И. Ленин как бы опустил промежуточные звенья. Ну, иначе было нельзя, это было необходимо практически. Он, действительно, многое сделал. Но сам он не случайно сказал, что это научно-популярный очерк. Надо к этому прислушаться. Это не просто скромность. Это *реальная* оценка.

Периклис Павлидис

Вопрос. Вы сказали, что Ленин не вполне понимал разницу между противоречием и противоположностью. Как это сказалось на его взглядах относительно способов и путей строительства социализма в СССР? И в связи с этим ещё один вопрос: Считаете ли Вы, что такое непонимание разницы между противоречием и противоположностью является характерной чертой всех программ строительства раннего социализма?

Ответ. Я думаю, что когда эпоха выдвигает задачу отрицания капитализма, она, естественно, накладывает отпечаток и на понимание будущего общества. Кстати, я не сказал, когда открываются возможности для более глубокого понимания социализма. Когда открывается и требуется проблема снятия социализма. Не тогда, когда социализм идёт по восходящей. Вот когда социализм идёт по восходящей, здесь работает всё то, что было сделано К. Марксом, Ф. Энгельсом и затем продолжено В.И. Лениным. Всё это не подвергается сомнению. К. Маркс несколько по иному поводу, но, тем не менее, говорил о том, что эпоха понимается тогда достаточно глубоко, когда начинается её самокритика. Т.е., когда начался процесс разложения, упадка, тогда появилась, неосознаваемая, конечно, но объективная возможность для того, чтобы понять социализм как историческое явление более глубоко. Тогда, скажем, появилась возможность для того, чтобы понять то, что у нас было, — это ранний социализм, со своими особыми чертами. Но необходимый социализм. Необходимая стадия. Иначе быть не могло. Но попробовали бы... ну, об этом, во-первых, никто не мог подумать, когда социализм был на подъёме. О том, чтобы снимать марксизм или иначе относиться к социализму. Но опять

же, здесь речь идёт не о том, чтобы отрицать социализм. В смысле зряшного, пустого отрицания. Речь идёт о том, что степень постижения сути социализма в период восходящего социализма не могла быть достаточной для того, чтобы понять его в качестве раннего, в качестве определённой исторической стадии социализма. И поэтому отсюда следует, что не могли предвидеть и будущего социализма в нашей стране. Не могли в достаточной степени в то время предвидеть. Это опять естественноисторический процесс. Как я уже говорил, в тот период старались только понимать Маркса. Диалектическое «снятие» классической исторической формы марксизма могло быть связано только с тем направлением марксистской философии, которое шло по пути исследования фундамента марксизма. А именно «Капитала». И обнаружение возможности и необходимости диалектического снятия происходило по мере углубления в «Капитал», по мере более глубокого понимания метода «Капитала». Вот когда это как система предстало, тогда и обнаружилось, что сама система в своём методологическом содержании является продуктом определённой эпохи. И несёт следы этой эпохи. Только тогда. А сначала речь шла о том, чтобы сравнить логику Гегеля с логикой «Капитала». Причём, это был такой исторический период, когда социализм, в общем и целом, не отрицался как особое общество. Тогда только начинали внутри страны появляться «диссиденты», присвоившие себе название «демократы», только тогда стали подвергать сомнению социализм в целом.

Это был как раз такой период, когда стало возможным переосмысление социализма в целом с коммунистических позиций. Не отбрасывать то, что было сделано в СССР, не приуменьшать, а исследовать как явление, достигшее, ну, не зрелого социализма, а достигшее своей высшей точки развития раннего социализма.

Димитриос Пателис

Вопрос: В продолжение того, что было сказано Вами в процессе ответов на вопросы, мне хотелось бы спросить ещё об одном законе. О законе отрицания отрицания. Об уровне этого закона, методологическом уровне понимания этого закона, и о том, как это отражается на теоретическом предвидении и, соответственно, на стратегических задачах, которые ставит перед собой коммунистическое движение?

Ответ: У меня есть рукопись об основных законах диалектики, в особенности о законе отрицания отрицания, об исторической ограниченности понимания этих законов Г. Гегелем и К. Марксом, об историчности понимания этих законов. Но сейчас этот вопрос раскрывать нецелесообразно в связи с ограниченностью во времени. Я могу только сказать, что вот такая интерпретация закона отрицания отрицания, которая содержится в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, тоже является исторически ограниченной. Исторически. Это всё время приходится подчёркивать. Не об индивидуальности К. Маркса идёт речь. Он гениальный человек. И приуменьшать тут нечего. И В.И. Ленин — гениальный человек. Всё это первоклассные гении. Не о них идёт речь. А речь идёт об эпохе. И том, как эта эпоха с необходимостью должна была отражаться во взглядах. Наступила такая эпоха, когда без снятия марксизма не возродится коммунистическое движение. Оно не пойдёт на подъём. Догматическое представление о марксизме изживает себя. Это не прихоть. Я сам длительное время приписывал Э.В. Ильенкову то, что на самом деле сказал К. Маркс. А то, что появлялось у меня, я приписывал К. Марксу.